ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

9

SEPTEMBER. 1950 СЕНТЯБРЬ.

The Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

BRARY of the
TRIARCH ATHENAGORAS
THODOX INSTITUTE
e GRADUATE
EOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Спасительное древо 3

Воздвиженіе Животворящаго Креста Господня. Стихотвор. М. В. 7

Памяти о. Валентина Амфитеатрова. В. Н. Звѣрева 8

Пробужденіе. Протоіерея Георгія Строева 18

Старый домъ. Стихотвореніе Любови Черницы 20

У истоковъ русскаго православнаго церковнаго пѣнія. (Историческій очеркъ). Проф. Ив. Шумилина. (Окончаніе) 21

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Посылка. Галины Дейницыной 28

Училище благочестія.

Христіанскій обычай носить св. крестъ на груди 33

Мысли святыхъ отцевъ о крестѣ 34

Стихиры честному Кресту 35

Молитва Животворящему Кресту Господню 35

Что значитъ взять: свой крестъ? Еп. Игнатія Брянчанинова 36

АНГЛІЙСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. **To the Orthodox Christians of the United States of America.** C. H. Stratman ..... $ .10

2. **A Letter from an Orthodox nun to her uncle — Lutheran** $ .10

3. **The faith of the Saints. Catechism of the Eastern Orthodox Church.** Bishop Nicholai D. Velemirovich ..... $ 1.00

4. **The univers as symbols and signs. An essay on mysticism in the Eastern Church.** Bishop Nicholai Velemirovich .... $ 1.00

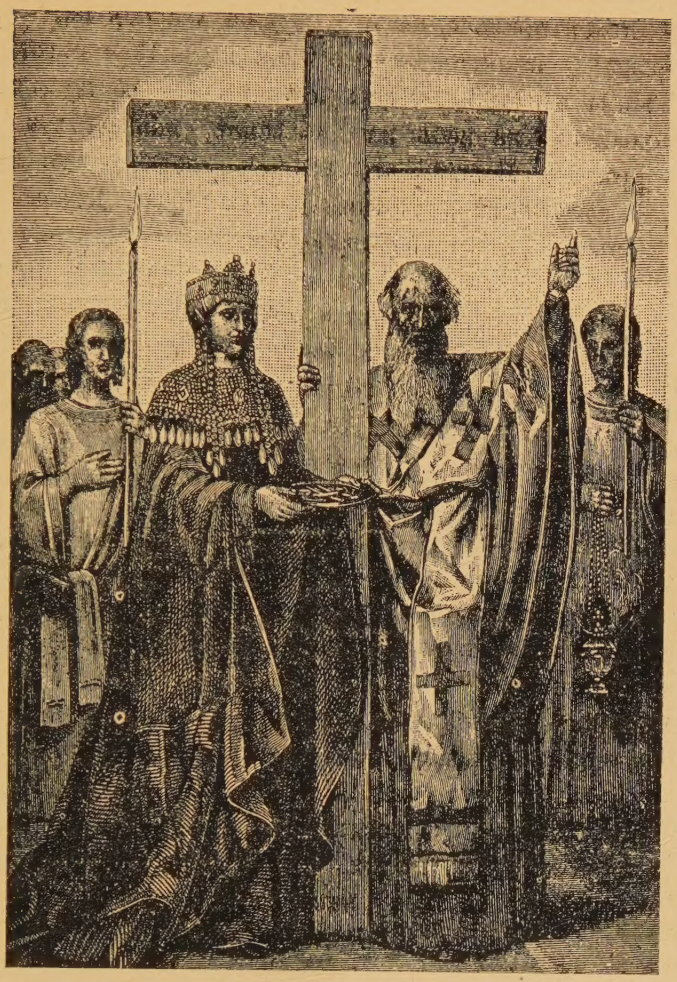
5. **The Bride of Christ** C. H. Stratman ..... $ .20

6. **"The Orthodox Life"** January — February 1950 ..... $ .35

7. **"The Orthodox Life"** March — April ..... $ .35

8. **"The Orthodox Life"** May — June ..... $ .35

9. **"The Orthodox Life"** July — August ..... $ .35



СПАСИТЕЛЬНОЕ ДРЕВО.

Близится праздникъ, единственный изъ двунадесятыхъ, не имѣющій прямого отношенія къ земной жизни Христовой: воспоминаніе всенароднаго прославленія Креста Господня, обрѣтеннаго матерью Императора Константина, Еленою.

Почему Церковь такое великое значеніе придала этому событію?

Подумаемъ.

Блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю.

Оправдались слова Спасителя!

Что противупоставляли христіане гоненіямъ, пыткамъ, издѣвательствамъ?

Кроткое, но небоязненное исповѣданіе Распятаго, какъ истиннаго Бога.

Поносной смертью заплатившій за свои смутительныя рѣчи еврейскій лжеучитель—Богъ!

Кроткое, но непоколебимое исповѣданіе этого "безумія" дѣйствовало на ожесточенныхъ какъ сухой хворостъ, подбрасываемый въ пламя. На незакоренѣлыхъ въ нечестіи, напротивъ, падало оно живой водою, подготовляя почву для принятія сѣмени вѣры. Стремясь искоренить христіанство, гонители насаждали и распространяли его. Арены, площади, судилища, капища, дворцы превращены были въ мѣста общественной проповѣди. И какой! Что способно сильнѣе дѣйствовать на неожесточенную душу чѣмъ кроткое стояніе за правду до смерти!

Назрѣвалъ день побѣды. Съ нарочитой наглядностью и силою указалъ Господь на оружіе ея. *"Симъ побѣдишь!"* Эти слова прочелъ императоръ Константинъ на небосводѣ рядомъ съ изображеніемъ Креста. Какъ ни чудовищно было въ представленіи римлянина сочетать побѣду императорскаго оружія съ орудіемъ поносной казни, ничего кромѣ ужаса и омерзѣнія не вызывавшимъ, — Императоръ знаменію повѣрилъ. И побѣдилъ! Второй, третій разъ, въ моменты критическіе, чудеснымъ образомъ показывается ему то же оружіе побѣды. И происходитъ непредставимое: Императоръ гордаго языческаго Рима — увѣровалъ. Явившійся ему, какъ знаменіе грядущей побѣды надъ политическими врагами и какъ оружіе такой побѣды, Крестъ становится для него не средствомъ, а высшей цѣлью, высшей цѣнностью, высшей святыней. Отсюда происходитъ нѣчто, еще болѣе непредставимое: на службу Кресту ставитъ Императоръ и себя и Имперію.

Міръ становится достойнымъ того, чтобы явлено ему было орудіе его спасенія. Обращенный ко Христу Римъ, въ лицѣ Царицы Елены, устремляется къ мѣсту міроспасительныхъ страстей Господнихъ. Вѣка прошли, въ теченіе которыхъ Іерусалимъ потерялъ все — вплоть до имени своего. Обрушились на него предреченныя Господомъ бѣдствія, не оставившія камня на камнѣ! Возникли капища, своимъ кощунственнымъ великолѣпіемъ тщившіеся стереть съ лица земли святыя мѣста. Смотрѣніемъ Божіимъ они только своевременно сокрыли, а тѣмъ

самымъ сохранили точно обозначенныя ими святыни, чтобы могли теперь онѣ получить иной покровъ, благодатный, въ образѣ величественныхъ храмовъ.

Но Крестъ Господень, Крестъ — какъ его найти!

Извѣстнымъ становится Царицѣ, что тайна его вѣдома одному еврею, злѣйшему врагу Христову. Нависшая угроза смерти заставляетъ его открыть ее — и вотъ, наконецъ, видятъ свѣтъ три креста, погребенные подъ воздвигнутымъ императоромъ Адріаномъ капищемъ Венеры.

Всѣ горятъ желаніемъ видѣть Крестъ Господень — и въ вдохновенномъ восторгѣ воздымаетъ Патріархъ Макарій, сподвижникъ Императрицы въ поискахъ святыни, Крестъ Господень, надъ потрясенной и умиленной толпой, среди которой уже въ новомъ обликѣ, увидѣвшаго и увѣровавшаго, находится и обладатель тайны Креста — будущій Патріархъ Іерусалимскій Киріакъ, сподобившійся вѣнца мученическаго, въ короткій періодъ новыхъ гоненій при Императорѣ Юліанѣ Отступникѣ.

Это событіе Церковью не только воспоминается 14/27 сентября: оно воспроизводится ею въ особомъ чинѣ "воздвиженія" Креста, обращаемаго на всѣ четыре стороны свѣта, съ возвышеннаго мѣста, подъ безчисленные молитвенные вопли вѣрующихъ о помилованіи . . .

Это — нашъ, православный праздникъ: о немъ забыли другія исповѣданія . . .

Великое событіе онъ отмѣчаетъ: выходъ Церкви изъ катакомбъ и одновременное превращеніе потаеннаго опознавательнаго знака христіанъ — въ торжествующій символъ побѣды, воздвизаемый надъ всѣмъ міромъ.

Изъ гонимой Церковь становится признанной, господствующей. Міръ въ лицѣ его свѣтскаго Владыки склоняется передъ Церковью. И что же въ отвѣтъ міру говоритъ Церковь? Она воздвизаетъ Голгоѳскій Крестъ, который есть отрицаніе міра, распятіе міра съ его страстьми и похотьми, преодолѣніе міра, побѣда надъ міромъ, не въ смыслѣ овладѣнія имъ, а въ смыслѣ возвышенія надъ нимъ, во имя міра иного, высшаго . . . Пусть Крестъ побѣждаетъ здѣсь, — плодъ побѣды пожинается тамъ!

И потому остается Крестъ и для той Церкви, которая является "господствующей", знаменіемъ непрестанной борьбы за Истину. Ереси раздираютъ хитонъ Христовъ, порою обрекая

Церковь на внѣшнее подчиненіе воинствующему нечестію. Неизмѣнно, однако, посрамляется ложь и черезъ потрясенія эти Истина, разоблачая ложь, обрѣтаетъ лишь окончательныя формы. Борьба идетъ и во внѣ: не весь міръ склоняется предъ Истиной Креста, нѣтъ — человѣчество не только частично остается въ исконномъ своемъ невѣдѣніи, но раждаетъ и новую религію, пусть далекую отъ Истины, но обладающую огромнымъ напоромъ и оказавшуюся способной покорить себѣ несмѣтныя людскія массы, полумѣсяцъ воинствующе противупоставившія Кресту.

И все же, было то время великаго торжества Истины Православія, все въ большей полнотѣ сіявшей въ принявшемъ ее человѣчествѣ: ученіе Церкви, внутреннее ея устройство, общественная молитва, храмовое благолѣпіе, монастырская аскеза — все многосоставное богатство церковнаго бытія становится постепенно достояніемъ церковно-православнаго человѣчества въ вѣкъ торжества Креста, подъ сѣнью своей видящаго все оцерковленное человѣчество.

Предъ лицомъ этой дозрѣвавшей полноты обрѣтенной Истины, однако, вставалъ все рѣзче вопросъ у человѣка: могу ли я вмѣстить ее, эту полноту Истины? И если не могу, то что мнѣ дѣлать — стенать, плакать, скорбѣть, падать, подыматься, но не отказываться отъ устремленности къ этой полнотѣ? Или— склониться предъ невозможностью ее вмѣстить и . . . попытаться приблизить эту Истину къ себѣ, приземивъ ее.

На этомъ и произошелъ великій расколъ.

Одна часть человѣчества христіанскаго, не отказываясь отъ креста, восхотѣла крѣпко водрузить его на землѣ — хотя бы для этого и пришлось начать церковную Истину переиначивать, дѣлая ее доступной и понятной.

Другая — воздвизаетъ Крестъ къ небу, устремляя вниманіе туда, куда только и ведетъ Крестъ, и не дерзая помыслить о томъ, чтобы хоть въ чемъ нибудь измѣнить утвердившееся богатство полноты церковной Истины.

Жить на землѣ — не забывая о Богѣ. Такъ понимаетъ христіанство инославный Западъ.

Жить Богомъ — въ мѣру немощи своей думая о землѣ. Такъ мыслитъ свой удѣлъ православный Востокъ.

О томъ, что этотъ завѣтъ остается въ силѣ даже въ моменты высшаго земного торжества — объ этомъ и говоритъ православнымъ христіанамъ великій праздникъ Воздвиженія Креста Го-

сподня. Какъ выразительны въ этомъ смыслѣ молитвословія праздника! Прося у Того, Кто волею вознесенъ былъ на Крестъ, — побѣды надъ супостатами для "тезоименитаго" то-есть одноименнаго Христу "жительства", Церковь, въ развитіи кондака, въ икосѣ — о чемъ воспоминаетъ? О томъ, какъ апостолъ Павелъ былъ восхищенъ до третьяго неба, какъ онъ слышалъ тамъ неизреченные глаголы; вспоминаетъ о томъ, какъ онъ *хвалился крестомъ* — орудіемъ преодолѣнія страстей! Замыкаясь тѣмиже послѣдними словами кондака *(оружіе мира, непобѣдимую побѣду)*, икосъ подъ ними понимаетъ уже крестъ, какъ спасительное древо въ брани внутренней, а не той внѣшней, о которой говоритъ кондакъ!

Все Православіе — здѣсь!

* * *

Воздвиженье Животворящаго Креста Господня.

Воздвигнутъ Крестъ надъ міромъ дольнимъ, —
Побѣдный, мощный знакъ спасенья.
Ниспали съ смертныхъ путы тлѣнья,
Дышать земнымъ легко, привольно.

Царитъ здѣсь смерти Побѣдитель,
Разрушены оковы ада,
Повержена его ограда:
Владѣетъ міромъ Царь - Спаситель.

Міръ озаренъ Креста сіяньемъ,
По вешнему ликуетъ осень,
Сіяетъ ярко неба просинь.
Крестъ — наша сила, упованье
И жизни истинной дыханье.

* *
*

Премудрость Божію я поняла въ страданьи.
Всѣ дни ушедшіе, земные, далеки.
Проходитъ жизнь, какъ тѣнь, — и вѣчности дыханье,
И міръ невидимый мнѣ стали вдругъ близки.

Намъ, грѣшнымъ, не постигнуть тайны мірозданья,
И намъ невѣдомы, Господь, Твои пути.
И какъ понять, что даже радостно — въ страданьи
Покорно за Тобой, Спаситель мой, идти!

М. В.

ПАМЯТИ О. ВАЛЕНТИНА АМФИТЕАТРОВА.

На Москвѣ объявился въ церкви Нечаянной Радости, что въ Кремлѣ, батюшка отецъ Валентинъ Амфитеатровъ, на долгіе годы привлекшій вниманіе и сердца боголюбивыхъ москвичей. Семья наша не осталась глухой къ этому явленію благодати Божіей.

Приходъ нашъ былъ въ церкви, что "на Палашахъ". Тамъ мы и говѣли и пріобщались. Помимо этого, мы бывали по другимъ храмамъ Бѣлокаменной — и у Спиридонія, и въ Страстномъ монастырѣ, и въ церкви Іоанна Богослова, въ переулкѣ того же наименованія, выходившемъ на Тверской бульваръ. Бывали и у Большого Вознесенія. Ходили слушать Чудовскихъ пѣвчихъ; стаивали въ тихой церкви Димитрія Солунскаго; въ Никитскомъ монастырѣ, сохранившемъ посреди центра столицы всю прелесть отрѣшенной отъ міра обители. Хорошо знали всѣ Кремлевскіе соборы, съ ихъ святынями. Неукоснительно посѣщали Иверскую часовню и Великомученика Пантелеимона, что на Никольской. Въ положенныхъ случаяхъ шли въ Казанскій Соборъ, что на Красной Площади. Бывали и у Василія Блаженнаго, гдѣ любили любоваться и причудливой игрой деталей этой удивительной церкви, и видомъ Замоскворѣчья, открывавшимся оттуда. Бывали и у Успенія на Могилкахъ, гдѣ славился въ тѣ времена необыкновенно голосистый діаконъ. Знали хорошо церковь Св. Троицы, что на Листахъ, около Сухаревой башни, неподалеку отъ которой торговцы стариной раскидывали свои ларьки со старинными книгами и рукописями. И рѣдко упускали случай, чтобы не побывать въ храмѣ св. Воскресенія Словущаго, недалеко отстоявшемъ отъ дѣтской больницы. Я и братъ привыкли рано ходить по церквамъ самостоятельно. Любили мы и вечерній сумракъ нашихъ храмовъ, съ ихъ привычными уголками и всегда одними и тѣми же прихожанами. Любили раннее вставанье, торжественныя обѣдни, сіяніе сверкающихъ ризъ на духовенствѣ, нищихъ на паперти и звонъ сорока сороковъ, гудѣвшій надъ Москвой своими густыми перегудами. Вездѣ у насъ были знакомые, насъ давно знавшіе по храму, насъ, дѣтей, баловавшіе, ставившіе къ солеѣ поближе и наставлявшіе насъ благочестію . . . Любили мы и праздничное возвращеніе домой къ кипящему самовару, кренделямъ и непремѣнному пирогу къ обѣду . . . Въ торжественные дни Страстной седмицы мы всей семьей шли въ университетскую церковь, куда собиралась вся профессура, гдѣ служилъ батюшка о. Елеонскій, гдѣ церковнымъ старостой несчетные годы былъ проф. Петръ Ник. Мрочекъ-Дроздовскій, гдѣ такъ торжественно выносилась профессорами Плащаница при погребеніи Господнемъ, когда въ глубокой тишинѣ огромнаго переполненнаго молящимся народомъ съ зажженными свѣчами университетскаго вестибюля, съ его лѣстницами, медленно двигалось кругомъ печальное шествіе, и Плащаница, тихо колыхаясь надъ головами

несшихъ ее профессоровъ, вызывала сокрушенныя слезы у предстоявшихъ...

Заведенный матерью порядокъ въ домѣ держался крѣпко.

Случайныя философствованія досужихъ умниковъ, разсуждавшихъ о ненадобности всего этого для "малышей", не могущихъ "сознательно" отнестись къ отбыванію обрядности, мать неизмѣнно пресѣкала краткимъ возраженіемъ: — И не надо! Вырастутъ, сами поймутъ, зачѣмъ все это нужно... И неуклонно настаивала, чтобы мы стороннихъ умствованій не слушали, а жили бы "какъ полагается". Сейчасъ немного смѣшно вспомнить, кому мать, бывало, заграждала такъ рѣшительно уста!

Какъ и у большинства москвичей, жившихъ достаточно, у насъ въ домѣ не переводились люди обездоленные и огорченные, нуждающіеся въ помощи. Среди таковыхъ были хроническіе, становившіеся какъ бы пенсіонерами. Были временно попавшіе въ затрудненіе. Были больные и престарѣлые. Были и просто выскочившіе изъ колеи, неудачники и пьяницы. По зимамъ въ нижнемъ этажѣ, въ сопредѣльныхъ съ кухней помѣщеніяхъ пережидали мѣсяцами холода и стужу странники, калики перехожіе, исчезавшіе съ тепломъ по святымъ мѣстамъ и возвращавшіеся въ насиженные углы въ положенные сроки со своими повѣствованіями... Весь этотъ людъ искалъ утѣшенія въ церкви и былъ усерднѣйшимъ посѣтителемъ храмовъ Божіихъ.

Многіе изъ нихъ сводили близкое знакомство со священствомъ и получали не малое удовлетвореніе, находя у послѣдняго пониманіе, любовь и поддержку. Эти люди и занесли къ намъ вѣсть о томъ, что у "Нечаянной Радости" предстоитъ предъ Богомъ пастырь исключительно рѣдкихъ качествъ и отзывчивости. Къ этимъ свѣдѣніямъ присоединилось извѣстіе, что о. Валентинъ служитъ необыкновенно хорошо; говоритъ доходящія до сердца проповѣди и съ любовнымъ вниманіемъ вникаетъ въ чужое горе и радуется чужими радостями, какъ своими собственными. Наши присные — въ семьѣ нашей чувство рода не было изжито, и большая, разросшаяся семья моихъ дѣдовъ жила сплоченно и душевно, всячески и вездѣ поддерживая другъ друга, — присные наши не преминули убѣдиться въ этомъ и навсегда прилѣпились къ о. Валентину. Они же показали намъ дорогу къ "Нечаянной Радости". И отцы наши и мы, дѣти, пріобщились къ ея приходу.

Мы съ братомъ готовились къ поступленію въ гимназію. Къ намъ ходили учителя-студенты. Полагающіеся предметы мы проходили въ мѣру возраста и усердія. Но всѣмъ нашимъ развитіемъ, къ тому времени значительно превосходившимъ наши познанія въ утвержденныхъ программами наукахъ, мы были обязаны "низу (такъ называлось полуподвальное помѣщеніе, гдѣ ютились наши Христовы, люди), и обществу отцовскихъ

товарищей и друзей, запросто и часто собиравшемуся у насъ въ домѣ. Профессура — московская и иногородяя, поэты, художники, критики и писатели; журналисты и публицисты того времени; любители и собиратели старины; располагавшіе огромными возможностями меценаты изъ московскаго купечества; скромные труженники архивовъ, музеевъ и библіотекъ — все это заполняло, бывало, по вечерамъ и нашъ скромный залъ, и столовую, и отцовскій кабинетъ, поднимало шумные споры и расходилось далеко за полночь. Въ тѣ времена Русь еще не дѣлилась на партіи. Единственнымъ дѣленіемъ было дѣленіе на консерваторовъ и либераловъ, умѣвшихъ сохранять дружескія и добрыя отношенія при подчасъ коренныхъ расхожденіяхъ во взглядахъ.

Насъ, дѣтей, отецъ съ матерью не сторонили отъ общенія со взрослыми. Взрослые, замѣчая нашу любознательность и проблески неожиданно-проступавшихъ интересовъ, не скучали подѣлиться съ нами иными свѣдѣніями, разумѣется въ доступной намъ формѣ. Мы съ братомъ много нахватались въ этомъ кругу того, что осмыслить пришлось уже впослѣдствіи. . . .

Какъ я сейчасъ понимаю, бывавшихъ у насъ посѣтителей привлекала, помимо мотивовъ дружбы и желанія обмѣняться мыслью, самая атмосфера нашего семейнаго очага, вывѣтривавшаяся и вывѣтривающаяся въ ихъ собственной средѣ и семьяхъ. Простота и безыскуственность воззрѣнія, основанная на религіозномъ пониманіи бытія, въ духѣ нашей Православной Церкви, разрѣшали въ семьѣ нашей такъ называемые, "проклятые вопросы" подъ совершенно другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ то бывало принято у большинства, и дѣйствовали умиротворяюще на взбаломученные умы людей, гнавшихся за Истиной мудреными путями. По времени — это было время живѣйшей работы русской религіозно-философской, литературной и художественной мысли; годы нарожденія журнала "Вопросы философіи и психологіи"; годы умственныхъ блужданій Владиміра Соловьева, парадоксовъ выходившаго на широкую воду В. В. Розанова; годы, отмѣченные страстными сужденіями о самомъ бытіи Божіемъ, когда чуть не весь великій постъ въ трактирѣ Егорова, въ Охотномъ ряду, собирались представители богословской и свободной мысли "попреть" *) на эту тему. У насъ дома, наряду съ такимъ пареніемъ, жизнь текла по старинкѣ, и упомянутыя печали не нарушали мира и равновѣсія, обрѣтаемыхъ признаніемъ воли Божіей и сознаніемъ собственныхъ недостоинства и слабости. Дома у насъ вѣрили безъ выкрутасовъ — просто и твердо.

Знакомство съ о. Валентиномъ сложилось исподволь. Мы постоянно бывали за его богослуженіемъ. Говѣли, пріобщались. Старшіе любили его проповѣди и бесѣды. Мы съ братомъ оцѣнили привѣтливый уголокъ и маленькій старинный храмъ, стоявшій въ глубинѣ откоса, подъ самими стѣнами Кремля, въ тѣни раскиданныхъ по откосу насажденій. Забираясь

---

*) Отъ слова пря — споръ.

въ церковь спозаранку, мы принимали добровольное участіе по уборкѣ храма. На Страстной недѣлѣ чистили со служителями подсвѣчники, лампады, паникадила и хоругви. Попутно узнавали происхожденіе отдѣльныхъ памятниковъ старины и съ великимъ вниманіемъ прислушивались къ тихимъ рѣчамъ завсегдатаевъ церкви. Разговоры вращались, главнымъ образомъ, въ сферѣ душевныхъ неудачъ и неудачъ житейскихъ, семейныхъ раздоровъ и о понесенныхъ несправедливостяхъ. Обо всемъ этомъ говорилось пространно, безъ ожесточенія, большей частью, съ великой печалью. Не всегда все понимая, мы знакомились съ жизнью и нечувствительно проникались мыслью, что всѣ умствованія человѣческія ничто передъ правдой Божіей. Все это отслаивалось безсознательно. Кругъ прихожанъ "Нечаянной Радости" разростался. Помимо москвичей, хлынула провинція. Всѣ старались, хоть разъ въ годъ, отговѣть у о. Валентина. Имѣвшіе возможность являлись на службу ежедневно, и мы знали многихъ и многихъ, пріобщавшихся постоянно. Всѣ дорожили вдохновенно-проникновенной службой батюшки и съ неослабнымъ вниманіемъ выслушивали его проповѣди. Многіе просили и помощи. Небогатый о. Валентинъ часто отдавалъ послѣднее, не стѣсняясь, порой, вручить просившему все, что у него накопилось на блюдѣ послѣ исповѣди. Исповѣдниковъ бывало такъ много, что, случалось, исповѣдь заканчивалась глубокой ночью, и сборы, порой, бывали значительны. Средствъ о. Валентина, разумѣется, на всѣхъ хватить не могло. Отказываясь принимать предлагаемыя ему состоятельными людьми деньги, онъ направлялъ руку таковыхъ жертвователей, прося ихъ использовать по его указанію. Это повело къ тому, что цѣлый рядъ лицъ добровольно отдалъ свои силы и время на выясненіе обстоятельствъ прибѣгавшихъ къ помощи батюшки нуждавшихся. Незамѣтно сотрудники эти сплотились въ тѣсный кружокъ, особенно близкій о. Валентину.

Съ теченіемъ времени было съ совершенной точностью отмѣчено, что о. Валентину присущъ даръ провидѣнія, прозорливости. Онъ необыкновенно легко понималъ душевное состояніе къ нему обращавшихся, часто затруднявшихся даже высказаться, и, къ смущенію таковыхъ, часто отвѣчалъ на даже еще не поставленные вопросы. По своей природной деликатности, о. Валентинъ старался, чтобы это было возможно менѣе замѣтно, но у всѣхъ, съ нимъ соприкасавшихся, составлялось убѣжденіе, что отъ о. Валентина и его проницательности ничего утаеннымъ остаться не можетъ. О дѣйственной силѣ его молитвъ было извѣстно давно. О. Валентина преслѣдовали болящіе, особенно безнадежные. Многіе изъ нихъ были ему обязаны облегченіемъ ихъ страданій и исцѣленіемъ.

Обращаясь къ собственнымъ воспоминаніямъ, долженъ остановиться на томъ ни съ чѣмъ несравнимомъ утѣшеніи, которое даже мы, дѣти, получали за службами о. Валентина. Кроткая благообразная фигура батюшки, съ большой бѣлой бородой, слегка согнутая въ плечахъ, — онъ былъ большого роста, — за службой совершенно преображалась. Среди голубоватыхъ волнъ расходившагося по алтарю ладона, ликъ о. Валентина

пріобрѣталъ вдохновенное выраженіе, граничившее съ восторгомъ. Взоромъ и мыслію отрѣшаясь отъ всего земного въ предстояніи своемъ предъ Богомъ, о. Валентинъ всей душой переживалъ счастье Богообщенія. Напряженіе силъ за литургіей у него было таково, что лицо его покрывалось испариной и дрожали руки. Передъ выходомъ со Св. Чашей къ причастникамъ о. Валентинъ, иногда, долженъ былъ присѣсть тутъ же, въ алтарѣ, чтобы успокоиться и собраться съ силами. Мальчиками, часто стоя въ придѣлѣ, сообщавшемся съ главнымъ алтаремъ, куда о. Валентинъ любилъ допускать ребятишекъ, мы съ великимъ вниманіемъ смотрѣли на священнодѣйствіе и, какъ-будто, сами уставали съ батюшкой. Пресуществленіе Даровъ приводило насъ въ совершенный трепетъ, и мнѣ памятно и чувство облегченія, съ которымъ мы взирали на разверзаемыя царскія врата, и волненіе, съ которымъ мы ждали появленія батюшки со Святой Чашей. Молитва передъ Причастіемъ въ чтеніи о. Валентина прерывалась всхлипываніями и рыданіями готовившихся причаститься Св. Таинъ богомольцевъ. Отходившіе къ столику съ теплотой положительно сіяли. Пережитое мгновеніе красило самыя некрасивыя лица и заставляло всѣхъ причастниковъ сплачиваться тѣснымъ кругомъ у солеи въ ожиданіи слова и отпуста. Зная и раздѣляя чувство молящихся, о. Валентинъ часто предлагалъ благодарственный молебенъ, проходившій съ необыкновеннымъ подъемомъ. По окончаніи службы народъ не расходился, ожидая выхода батюшки изъ церкви. При его выходѣ всѣ наперебой бросались за благословеніемъ. Цѣловали о. Валентину руки. Хватались за рясу, бѣжали за извозчикомъ, и я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, какъ восторженная толпа выпрягала лошадь и везла на себѣ о. Валентина до его квартиры. О. Валентинъ жилъ неподалеку отъ Кремля, на Воздвиженкѣ, въ одномъ изъ домовъ, что супротивъ Архива М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Помню и смущеніе и негодованіе постояннаго батюшкина извозчика, вынужденнаго въ такихъ случаяхъ сидѣть на козлахъ съ пустыми возжами. Усердіе бываетъ не по разуму: многіе возымѣли обыкновеніе гоняться за, такъ наз., первымъ благословеніемъ, въ погонѣ за которымъ нещадно оттирали другъ друга и создавали при выходѣ батюшки невозможную толкотню, въ коей и самому о. Валентину приходилось трудно. Въ такихъ случаяхъ его выручалъ намъ всѣмъ хорошо извѣстный Александръ Федорычъ — причетникъ, мужчина атлетической комплекціи и примѣрной рѣшительности. Иные дѣлали еще хуже — проталкивались къ батюшкѣ не разъ и не два и отирая потъ, съ удовлетвореніемъ похвалялись тѣмъ, что имъ сегодня удалось "благословиться и дважды и трижды"...

Вскорѣ о. Валентинъ былъ переведенъ настоятелемъ въ кремлевскій Архангельскій Соборъ и покинулъ церковь "Нечаянной Радости". Паства послѣдовала за батюшкой и еще умножилась. Службы о. Валентина въ обстановкѣ усыпальницы Князей Великихъ и Царей нашихъ стали еще торжественнѣй. Батюшка постоянно служилъ соборнѣ со своими младшими

сослуживцами — о. Платономъ, крупнымъ благообразнымъ и импозантнымъ, и о. Александромъ, маленькимъ, тщедушнымъ и смиреннымъ священникомъ. Имя златокудраго и голосистаго о. діакона у меня не сохранилось въ памяти. Его фигура и манера служить много содѣйствовали благолѣпію службы.

Къ этому времени отношенія семей нашихъ къ о. Валентину вылились въ близкое знакомство. Одни безоговорочно и радостно отдались его руководству, другіе сохраняли свою независимость, но всѣ сходились на единодушномъ признаніи его великихъ достоинствъ. Насъ, дѣтей, о. Валентинъ любилъ приласкать по-стариковски и баловалъ подарками, даря иконки, маленькія Евангелія и книги для чтенія. Любилъ онъ, иногда, и побесѣдовать съ нами, многое сказанное какъ-будто случайно, незамѣтно западало въ душу. Вспоминаю, какъ однажды, подаривъ намъ съ братомъ сборникъ нашихъ русскихъ былинъ, въ великолѣпномъ голубомъ съ золотомъ переплетѣ ,батюшка сказалъ, усмѣхаясь: "Вотъ вы, дѣтки, переплетомъ любуетесь . . . правда, красиво . . . и золото, и рисунокъ . . . а вы лучше хорошенько самыя былины прочтите, — повнимательнѣй: тамъ сокровища языка нашего, русскаго. Съ этимъ богатствомъ никакое золото не сравнится . . ." Передъ нами открылся невѣдомый намъ дотолѣ міръ русскаго эпоса, и вскорѣ мы съ братомъ наизусть распѣвали древнія сказанія про старину стародавнюю, инстинктомъ воспріявъ красоту родного слова.

Въ другой разъ о. Валентинъ подарилъ мнѣ "Донъ-Кихота", по-французски, въ полномъ изданіи. "Вотъ ты, я знаю, любишь посмѣяться . . . здѣсь найдешь не мало веселаго и смѣшнаго", сказалъ онъ мнѣ. "Но, запомни, что я тебѣ скажу: не смѣйся никогда надъ Донъ-Кихотомъ. Это былъ добрый, добрый и хорошій человѣкъ" . . .

Въ Соборѣ о. Валентинъ любилъ знакомить дѣтей съ исторіей и происхожденіемъ находившихся тамъ Святынь и предметовъ церковнаго обихода. Показывалъ онъ намъ и дарохранительницу, стоявшую на престолѣ подъ стеклянным колпакомъ, привезенную на Русь еще Софіей Палеологъ, и старинное Евангеліе, съ кованными крышками, усыпанными драгоцѣнными камнями. Показывалъ и пожертвованія боголюбивыхъ ревнителей, жертвовавшихъ драгоцѣнности. Осталось въ памяти обиліе таковыхъ на громадной иконѣ Царицы Небесной, помѣщавшейся по лѣвую сторону вратъ царскихъ передъ обитымъ краснымъ сукномъ клиросомъ . . . Объяснялъ намъ о. Валентинъ и содержаніе и смыслъ иконъ древнихъ, сообщая особенности въ ихъ написаніи и случаи, коимъ онѣ были обязаны водворенію въ Соборѣ. Въ такихъ случаяхъ за толпой насъ мальчишекъ, часто двигались за батюшкой и большія группы заходившихъ въ неслужебные часы посѣтителей, съ благодарностью ловившихъ поясненія о. Валентина. Батюшка любилъ проводить свободное время въ храмѣ и приходилъ туда задолго до службы.

Не могу не вспомнить дней Великаго Поста, когда массы желавшихъ отъисповѣдаться толпились въ молчаливомъ сумракѣ между гробницъ неосвѣщеннаго храма и понемногу просачивались въ правый придѣлъ, гдѣ находится могила Грознаго. Въ придѣлѣ мѣста было мало. Большая его часть была занята надгробіями нашихъ вѣнценосцевъ и ихъ сродниковъ. Стоять бывало тѣсно. Свѣтъ падалъ изъ окна, пробитаго подъ высокими сводами. Изъ алтаря, черезъ маленькую дверь, тянулъ пріятный холодокъ, освѣжавшій воздухъ. Исповѣдники толпились предъ глухимъ иконостасомъ, ставили свѣчи въ огромные подсвѣчники, вздыхали, переминались съ ноги на ногу и изрѣдка обмѣнивались немногословными рѣчами. Въ серединѣ иконостаса одна изъ большихъ иконъ — ихъ было, помнится, четыре, — въ тяжеломъ, кованномъ окладѣ, помѣщалась на незамѣтной двери. Время отъ времени эта дверь безшумно распахивалась и изъ находившагося за ней тайничка выходилъ побывавшій у батюшки кающійся. За таковымъ входилъ слѣдующій, и дверь, обитая зеленымъ сукномъ, безшумно захлопывалась. Тайничекъ былъ не такъ великъ, но, послѣ тѣсноты въ придѣлѣ, оставлялъ впечатлѣніе простора, свѣта и воздуха. Полъ былъ устланъ мягкимъ ковромъ. Неподалеку отъ окна — узкаго и высокаго, стоялъ аналой. На подоконникѣ грудами лежали маленькія Евангелія въ разноцвѣтныхъ переплетахъ, иконки и крестики, которыми о. Валентинъ благословлялъ при случаѣ, и стояло большое серебрянное блюдо, куда исповѣдники складывали приносимыя свѣчи и посильную лепту. Тишина стояла абсолютная. Дверь не пропускала ни звука. Исповѣдующійся могъ бесѣдовать съ батюшкой съ совершенной непринужденностью.

По древнимъ церквамъ и соборамъ московскимъ такіе тайнички не рѣдкость. Они бывали устраиваемы и между стѣнъ; бывали расположены и въ куполахъ, и между церковными главами, въ выступахъ постройки. Многіе были, кому слѣдовало, извѣстны. Ко многимъ ходы были забыты и за давностью времени задѣланы. Случайно таковые бывали и открываемы. Сколько ихъ оставалось невѣдомыми — сказать трудно. Въ 1917 году въ одномъ изъ такихъ тайничковъ была чудеснымъ образомъ обрѣтена икона Божіей Матери, невиданнаго дотолѣ письма, получившая названіе Державной.

Однажды за исповѣдью мнѣ пришло въ голову спросить о. Валентина, почему онъ приносимыя ему деньги приказываетъ класть на блюдо, на подоконникъ, а не слагаетъ ихъ просто въ карманъ? Онъ весело разсмѣялся. "Изъ кармана, дѣточка, (его любимое слово, съ которымъ онъ обращался и къ дѣтямъ, и къ взрослымъ) доставать неловко. Не мои это деньги . . . да еще и случай у меня такой былъ: клалъ я прежде деньги въ карманъ. Бывало, наберется много. И вотъ пришелъ кто-то исповѣдываться. Какъ всегда, отпускаю ему грѣхи, накрываю кладущаго земной поклонъ эпитрахилью . . . проводилъ. За нимъ слѣдующій, другой, третій. Дошло дѣло — нужно было денегъ дать кому-то, — я въ карманъ, а карма-

на-то и нѣтъ больше. Самъ не замѣтилъ, какъ отрѣзали!.. Съ тѣхъ поръ вотъ я и поставилъ блюдо".

Незлобивость, кротость и снисходительность о. Валентина, не говоря о его добротѣ и сердечной деликатности, были безграничны. При надобности, онъ умѣлъ быть твердымъ, но, поскольку было замѣтно, твердость эта была имъ примѣняема больше къ самому себѣ. Себѣ батюшка не давалъ поблажки. Какъ бы онъ себя ни чувствовалъ, службу Божью онъ отправлялъ неукоснительно, и я не слышалъ примѣра, чтобы онъ отказалъ въ пріемѣ кому бы то ни было. Принималъ же онъ въ немъ нуждавшихся не только въ храмѣ, но и у себя на дому, куда многіе неделикатно лѣзли со своими надобностями.

Уже взрослымъ, бывая въ Москвѣ, я часто посѣщалъ ботюшку, любившаго меня поразспросить обо всемъ понемножку, и видѣлъ, что здоровье его начало сдавать. Одолѣвавшія его немощи онъ переносилъ стоически и попрежнему отправлялъ службы. День ото дня это становилось труднѣе. Оплывавшія ноги отказывались... Зрѣніе стало слабнуть. Батюшка справлялся и съ этимъ. Наконецъ, онъ ослѣпъ окончательно и долженъ былъ уйти на покой. Велико было горе оставленной имъ паствы. Велико горе было и самому о. Валентину лишиться возможности до конца служить Богу. Однако, принявъ кротко обрушившееся на него испытаніе, батюшка не потерялъ ни ясности духа, ни присущей ему добродушной веселости. Онъ удалился на жительство на Воронухину Гору, помѣстившись въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, выходившемъ на набережную Москва-рѣки, съ видомъ на Дорогомилово. Оттуда онъ сохранялъ связь съ оставшимися ему вѣрными до гроба духовными дѣтьми; велъ огромную переписку и попрежнему принималъ всѣхъ притекающихъ. Съ нимъ оставалась его дочь, Вѣра Валентиновна. Она и ходила за слѣпымъ отцомъ, и была его секретаршей. Другія дочери были замужемъ за профессорами Чупровымъ и Пассекомъ. Сынъ — достаточно извѣстный писатель и журналистъ, Александръ Валентиновичъ, отъ отца отошелъ давно.

Не могу воздержаться отъ желанія пересказать здѣсь о нашемъ послѣднемъ свиданіи.

Вернувшись какъ-то изъ заграничной поѣздки, проѣздомъ черезъ Москву, я отправился повидать батюшку. Стояла весна. Въ маленькомъ домикѣ, съ цвѣтущей сиренью палисадника, всѣ окна были настежь. Отца Валентина я засталъ полулежащимъ въ большомъ креслѣ. Онъ былъ слабъ, но попрежнему бодръ духомъ. Посѣщеніе мое его порадовало. Отпустивъ бывшихъ у него и на сей разъ посѣтителей, онъ усадилъ меня за столъ, поилъ чаемъ, разспрашивалъ обо всѣхъ родныхъ и моемъ путешествіи и вспоминалъ, какъ онъ зналъ насъ съ братомъ еще маленькими. Вѣра Ва-

лентиновна хлопотала около больного отца, поправляла ему подушки и старалась предупреждать его желанія.

Одна изъ особенно любимыхъ батюшкой женщинъ, горбатенькая Анна Илларіоновна Головина, состоявшая при немъ до его кончины какъ бы его представительницей съ внѣшнимъ міромъ, хорошо и мнѣ извѣстная, явилась было съ докладомъ обо всемъ сдѣланномъ. О. Валентинъ отложилъ дѣловые разговоры, увлекшись бесѣдою объ отцѣ Серафимѣ Саровскомъ. Между прочимъ я спросилъ, случилось ли ему видѣть недавно выпущенную преосвященнымъ Серафимомъ (Чичаговымъ) книгу о преподобномъ.

Къ моему недоумѣнію, лицо о. Валентина какъ бы омрачилась. Онъ досадливо отмахнулся и въ необычномъ для него тонѣ высказался (словъ точно привести не могу) въ томъ смыслѣ, что, стало быть, приходятъ послѣднія времена, если стали появляться подобныя произведенія. Я и по сейчасъ не знаю, чѣмъ былъ вызванъ такой суровый отзывъ. Хотѣлъ ли о. Валентинъ сказать, что житія угодниковъ такъ не пишутся, или онъ усмотрѣлъ что-нибудь иное? Съ тѣхъ поръ у меня не было въ рукахъ труда владыки Серафима. Хотѣлось бы еще разъ просмотрѣть этотъ сборникъ матеріаловъ, собранныхъ откуда только можно, въ цѣляхъ сохранить возможно больше данныхъ для будущаго составителя житія Преподобнаго. Тогда я не захотѣлъ продолжать разговора, бывшаго батюшкѣ непріятнымъ.

За бесѣдой я обратилъ вниманіе, что съ улицы, гдѣ нескончаемой вереницей растянулись вдоль набережной подводы ломовыхъ извозчиковъ, въ раскрытыя окна доносилась безсмысленная ругань толпившихся ломовиковъ. Ссоры не было, люди орали во все горло. Мнѣ показалось это оскорбительнымъ и было какъ-то стыдно передъ о. Валентиномъ за этихъ болвановъ.

— Отчего бы, Батюшка, не закрыть окна? предложилъ я.

— Это ты, дѣточка, про ломовыхъ? Не обращай вниманія. Въ глупости вслушиваться не стоитъ. А гвалтъ этотъ самый я даже люблю. Весна. Люди веселы, здоровы... ну, и дерутъ горло. Такъ... отъ полноты бытія. Богъ съ ними! Отецъ Валентинъ задумался. — Вотъ я часто думаю, — заговорилъ онъ опять, — что люди всегда недовольны настоящимъ, а того не замѣчаютъ, что жизнь такова, какъ она есть, и есть счастіе... Послушай этотъ гвалтъ. Солнце. Рѣкой пахнетъ. Смолой, мокрымъ канатомъ... Люди сыты. При дѣлѣ. Дома, видимо, у всѣхъ благополучно... Пусть ихъ веселятся, дай имъ Богъ здоровья!.. Прощаясь и попросивъ благословеніе, я благодарилъ батюшку за все, чѣмъ онъ украсилъ наше дѣтство и молодость. О. Валентинъ былъ тронутъ и сказалъ какъ-то нерѣшительно: — Вотъ! вы ужъ теперь большіе... Не любятъ молодые, чтобы ихъ учили... но вы съ братомъ поймете... не забывайте Бога! Всегда благодарите Бога... За все, за все... Не огорчайтесь выше мѣры

въ несчастіи. Не прилѣпляйтесь черезъ-чуръ къ благамъ міра сего... Берегите свободу духа. Не стоитъ быть рабами вещей... Да не стыдитесь исповѣдывать Бога Живаго... И сохранитъ васъ Господь. Отецъ Валентинъ прослезился и горячо меня обнялъ. Я тогда не думалъ, что вижу его въ послѣдній разъ.

Въ десятыхъ годахъ текущаго столѣтія о. Валентинъ скончался. Смерть его воспослѣдовала лѣтомъ, помнится, во время жатвы. Большинство его знавшихъ тотъ же часъ покинули свои дѣла и заботы и срочно устремились въ Москву, чтобы отдать послѣдній долгъ любимому пастырю. Въ поѣздахъ, шедшихъ тогда въ Москву, со всѣхъ концовъ Россіи ѣхало съ тойже цѣлью многое множество народу. Боголюбивыя Москва и провинція достойно проводили прахъ о. Валентина къ мѣсту его послѣдняго упокоенія.

На могилѣ почившаго былъ сооруженъ памятникъ, въ видѣ большой плиты съ соотвѣтствующей надписью. Долгіе годы могила батюшки привлекала къ себѣ несчетную семью его духовныхъ дѣтей, служа мѣстомъ общенія осиротѣвшей паствы.

Богу угодно было отмѣтить могилу о. Валентина. Навѣщавшими ее людьми было замѣчено, что съ наступленіемъ холодовъ, остывавшая за ночь гранитная плита, покрываясь утромъ инеемъ, воспроизводила на своей поверхности ликъ почившаго о. Валентина. Изображеніе проступало необыкновенно ясно. Зимой на очищенной отъ снѣга плитѣ это изображеніе бывало особенно красивымъ. На голубовато-матовомъ фонѣ морозныхъ узоровъ ликъ отца Валентина выдѣлялся отчетливо, сверкая на солнцѣ блескомъ своихъ причудливыхъ переливовъ. Подъ дѣйствіемъ тепла изображеніе постепенно исчезало, неизмѣнно возстанавливаясь при соотвѣтствующей температурѣ, и служило великимъ утѣшеніемъ всѣмъ, имѣвшимъ возможность убѣдиться собственными глазами въ проявленіи благодати Божіей.

В. Н. ЗВѢРЕВЪ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Я былъ еще юношей. У насъ была знакомая семья учителя Лугова. Онъ происходилъ изъ рядовой крестьянской семьи, жена его, тоже учительница, — изъ семьи мелкочиновничей. Хотя они оба происходили не изъ плохихъ семей, но тѣмъ не менѣе «духъ времени», духъ матеріализма, духъ погони за личными наслажденіями и ихъ коснулся своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Правда, вобщемъ, они оба были, какъ-будто, неплохіе люди, но къ вѣрѣ относились, какъ и большинство, безразлично. Жили чисто эгоистической матеріальной личной жизнью. Всѣ ихъ мысли сосредоточивались на службѣ, дѣтяхъ и развлеченіяхъ. Но и въ отношеніи дѣтей заботы ограничивались только матеріальной, бытовой стороной, а о духовномъ же воспитаніи и рѣчи не было.

Итакъ жизнь ихъ протекала между службой, театрами, кино, концертами, домашними пирушками и другими развлеченіями, какъ у большинства ихъ круга людей. Въ такомъ житейскомъ круговоротѣ имъ даже въ голову не приходило то, что у нихъ были гдѣ-то въ деревнѣ престарѣлые родители, нуждавшіеся въ самомъ необходимомъ; о томъ, что у нея въ сосѣднемъ городѣ жила вдова-сестра съ троими малыми сиротами безъ всякихъ средствъ; о томъ, что у него учился младшій братъ въ другомъ городѣ, который буквально голодалъ, а еще больше изнемогалъ отъ духовнаго голода, такъ какъ, по пріѣздѣ въ городскую школу, — на его дѣтскую, еще неиспорченную душу обрушилась всей своей тяжестью развращенная городская жизнь, и бѣдный, неразвращенный деревенскій мальчикъ, брошенный одинъ безъ нравственной поддержки, безъ совѣта, безъ руководства родныхъ, метался среди соблазновъ большого города, какъ пойманная птица. А престарѣлыхъ родителей отъ августа до Рождества и отъ Рождества до Пасхи, — онъ не видѣлъ. Указаній и совѣтовъ отъ нихъ черезъ письма онъ не получалъ, т. к. старики были еле грамотны, да и не до этого имъ было: по старости они съ величайшимъ трудомъ справлялись со своимъ деревенскимъ хозяйствомъ.

Наступаетъ война, обрушивается революція со всѣми ея бѣдствіями и голодомъ... Въ семьѣ Луговыхъ такъ же, какъ и всѣхъ, — продукты питанія распредѣляются по порціямъ...

Маленькій, пятилѣтній Витя, сынишка Луговыхъ, съ нѣкоторыхъ поръ, отъ своей порціи каждый разъ, началъ отдѣлять понемногу сахару въ особый мѣшочекъ и хранить подъ подушкой. Однажды, за столомъ, во время обѣда, Лугова, — мать Вити, — шутя спросила: «для кого ты, Витя откладываешь сахаръ?» Малышъ,

не задумываясь, серьезно отвѣтилъ: «для бабуски въ деревню — она тамъ одна сталая и больная»...

Дѣйствительно: старика Лугова уже не было въ живыхъ, а мать, старая и больная, забытая всѣми, проживала въ деревнѣ и въ полномъ смыслѣ слова голодала...

Неожиданностью такого отвѣта малыша всѣ были такъ поражены и смущены, что оба Луговы, отецъ и мать Вити, виновато переглянулись между собой и, отъ нахлынувшаго чувства стыда предъ собственной совѣстью — прослезились, а остальныя дѣти долго сидѣли съ полуоткрытыми ртами въ нѣмомъ оцѣпенѣніи...

Въ мысляхъ обоихъ Луговыхъ съ быстротою молніи, а на сердцѣ съ остротою ножа, почувствовалась скорбь за такъ грубо, такъ пошло, такъ эгоистично проводимую жизнь.

Протекающая безобразная ихъ жизнь въ одно мгновеніе встала передъ ними во всей своей наготѣ съ мельчайшими подробностями. Передъ глазами Лугова стоялъ онъ самъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ первое время по поступленіи на службу. Вспомнилось ему, какъ онъ первые свои заработки безразсудно растрачивалъ на угожденіе и дорогіе подарки своей не нуждавшейся невѣстѣ и ея роднѣ, а своимъ старикамъ не удосуживался за все время послать даже трехъ рублей. Тутъ передъ его глазами, какъ наяву, предстали преждевременно состарившіеся, съ изможденными лицами, его родители, надрывающіе свои силы, чтобы довести до конца его образованіе и предвкушающіе, что по окончаніи ученія ихъ «сынокъ Коля», онъ, Николай Андреевичъ Луговъ, поможетъ имъ довести до конца образованіе другихъ младшихъ дѣтей и освободитъ подъ старость ихъ самихъ отъ изнурительнаго сельского хозяйства.

Слѣдомъ за стариками въ воображеніи, съ укоромъ на лицахъ, промелькнули его голодавшій братъ ученикъ и сестра жены съ тремя истощенными сиротками...

— «Завтра же, завтра надо поѣхать въ деревню къ матери»! — бормоталъ Луговъ въ возбужденно-нервномъ состояніи. «Сейчасъ же иду къ начальству и прошу отпускъ»!.. Но когда онъ одѣвался, чтобы отправиться къ начальству, раздался звонокъ и въ переднюю вошелъ почталіонъ съ телеграммой, изъ села Пригорскаго, въ которой сосѣдъ извѣщалъ о смерти всеми забытой старушки его, Николая Андреевича Лугова, матери...

Съ этого момента въ душѣ обоихъ Луговыхъ произошелъ цѣлый переворотъ. Долгое время Луговы, отъ внутренняго стыда, не могли смотрѣть другъ другу въ глаза.

Все прошлое было передумано, переоцѣнено, и имъ самимъ становилось жутко и до боли стыдно за свое прошлое.

Во всей ихъ жизни произошелъ полный переворотъ. Семья возродилась на новый путь, путь Божій...

ЭПИЛОГЪ (ЧЕРЕЗЪ 15 ЛѢТЪ).

На одномъ изъ убогихъ сельскихъ кладбищъ, передъ могилой, съ бѣднымъ деревяннымъ, еще нестарымъ крестомъ, часто можно было видѣть двухъ, низко склонившихъ головы и поддерживавшихъ другъ друга, стариковъ, — мужа и жену, Луговыхъ. Въ этой могилѣ лежитъ прахъ ихъ славнаго двадцати-лѣтняго сына, юноши Вити, — ихъ единственной опоры, послѣ сплошныхъ семейныхъ несчастій, причиненныхъ революціей.

Того самаго Вити, который, будучи пяти лѣтъ, хотя съ опозданіемъ, но пробудилъ ихъ совѣсть и вернулъ къ Богу . . .

Витя былъ учителемъ въ сельской школѣ и содержалъ своихъ безпомощныхъ родителей. Умеръ отъ пули чекистовъ во время его ареста.

26/I — 1950 г. **Протоіерей Георгій Строевъ.**

Старый домъ.

Люблю тебя, мой старый домъ!
Дубовъ заросшую аллею,
Весны веселый первый громъ
И камелекъ, что чуть-чуть тлѣетъ.

Сейчасъ въ тебѣ все тихо, сонно,
Умолкли смѣхъ и голоса.
Заздравныхъ чашъ не слышно звона,
Хозяйки бѣлы волоса!

Съ рояля стерлась позолота,
Въ шкафу желтѣетъ фоліантъ,
У въѣзда скошены ворота,
И умеръ старый музыкантъ.

Темнѣй въ божницѣ ликъ Святаго,
Что надъ столомъ въ углу стоитъ.
Предъ нимъ молилися мы много,
И съ прежней лаской Онъ глядитъ.

Все пережито, все далеко!
Но горечи на сердцѣ нѣтъ.
Какъ ты, мой домъ, я одинока,
Но грѣетъ счастье прошлыхъ лѣтъ.

ЛЮБОВЬ ЧЕРНИЦА.

У ИСТОКОВЪ РУССКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ.

(Историческій очеркъ).

(Окончаніе).

Въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ церковное пѣніе сильно упало. Въ этомъ сказывалось общее сниженіе церковной дисциплины. Въ первые 4 вѣка христіанства на Руси у насъ пѣли «на рѣчь», то есть, въ пѣніи выговаривали слова такъ, какъ и въ рѣчи, въ разговорѣ. Этотъ періодъ называется историками періодомъ «праворѣчія» или «истиннорѣчія». Но уже съ пятнадцатаго вѣка въ практику церковнаго пѣнія сталъ проникать методъ «раздѣльнорѣчія» или «растяжнорѣчія». Это прежде всего выразилось въ томъ, что слова начали пѣть не такъ, какъ они произносились въ рѣчи и писались, а съ измѣненіями. Такъ при произношеніи полугласныя выговаривались, какъ гласныя, опускались согласныя, а такъ-же добавляли гласныя. Такъ, напримѣръ, вмѣсто «согрѣшихомъ, беззаконновахомъ предъ Тобою» пѣли «согрѣшихом**о**, беззаконовахом**о** перед**о** Тобою» или вмѣсто «не предаждь насъ до конца» пѣли «не преда иже нас**о** до конца». Вмѣсто «Господи помилуй» пѣли «**О**Господи помилуй». Вмѣсто «Спасъ» — «С**о**пас**о**». Вмѣсто «Во мнѣ» — Во **м**онѣ» и т. д. Этотъ образъ пѣнія вошелъ въ церковный обиходъ не сразу, такъ что, напримѣръ, въ первой половинѣ XV вѣка онъ встрѣчается весьма рѣдко, лишь въ немногихъ словахъ. Особенно развились эти искаженія — нарушенія церковнаго пѣнія во второй половинѣ XV столѣтія. Подъ конецъ 1476 года новгородскій лѣтописецъ съ изумленіемъ восклицаетъ: «Той же зимы нѣкоторые философе начаша пѣти «**О**Г**о**споди помилуй» (Собр. лѣтоп. IV, 130). Въ продолженіи XVI вѣка это безчиніе достигло высшаго предѣла, такъ что по свидѣтельству современниковъ XVI вѣка молящіеся съ трудомъ понимали смыслъ пѣснопѣній.

Снизилось и качество пѣвцовъ. Новгородскій Владыка Геннадій пишетъ: «Мужики озорные на крылосѣ поютъ . . .» Стоглавый Соборъ (1551), сыгравшій рѣшительную роль въ оздоровленіи нашей церковной жизни, не оставилъ безъ вниманія и этой стороны церковнаго уклада. Для улучшенія церковнаго пѣнія и повышенія общаго культурнаго уровня духовенства онъ опредѣлилъ въ каждомъ городѣ организовать школы, гдѣ обучать и пѣнію.

Въ лѣтописяхъ, относящихся къ этой эпохѣ, мы встрѣчаемъ имена ставшихъ популярными преподавателей и творцовъ церковнаго пѣнія: Ив. Шайдурова, Маркелла Безбородаго, Василія и Саввы Роговыхъ (родомъ карелы). О трудахъ Шайдурова было упомянуто выше. Маркеллъ, сперва инокъ, потомъ игуменъ Хутынскій, извѣстный авторъ житія св. Никиты Новгородскаго и канона ему,

«роспѣлъ (т. е. положилъ на ноты) Псалтырь». Василій Роговъ, въ монашествѣ Варлаамъ и съ 1586 г. архіепископъ Ростовскій, «зѣло былъ гораздъ знаменному и троестрочному и демественному пѣнію, былъ роспѣвщикъ и творецъ (т. е. самъ сочинялъ ноты)». Братъ его Савва былъ извѣстенъ, преимущественно, какъ опытный учитель церковнаго пѣнія и подготовлялъ многихъ учениковъ, также прославившихся впослѣдствіи. Къ такимъ слѣдуетъ отнести Ивана Носъ, Ѳеодора Христіанина (московскаго священника) и Стефана Голыша. Первые два развернули свою дѣятельность въ Москвѣ, а такъ же по волѣ Царя Ивана Васильевича и въ его Александровской Слободѣ. Иванъ Носъ также «распѣлъ и изъяснилъ тріоди, святымъ стихиры и славники, также крестобогородичны и богородичны минейныя». Священникъ Ѳеодоръ особенно былъ «гораздъ знаменному пѣнію, и мнози отъ него научишася». Степанъ же Голышъ, новгородецъ, «ходилъ по градамъ и училъ Усольскую страну», и кромѣ того «много знаменнаго пѣнія роспѣлъ». Изъ его учениковъ наиболѣе извѣстенъ Иванъ Лукошковъ, впослѣдствіи Исаія, архимандритъ Владимірской Рождественской обители: онъ «вельми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ». «Первая заслуга всѣхъ этихъ мастеровъ, говоритъ митрополитъ Макарій (цитированное соч. т. VIII, стр. 74), состояла въ томъ, что они обучили другихъ искусному пѣнію, и изъ ихъ то учениковъ, конечно, наполнялись существовавшіе у насъ хоры пѣвчихъ: — государевъ, митрополичій и прочихъ архіереевъ. Недаромъ въ лѣтописяхъ упоминаются пѣвчіе дьяки Великаго Князя, митрополичьи и новгородскаго владыки, и станицы этихъ пѣвчихъ. У новгородскаго владыки, напримѣръ, въ 1548 году были три станицы пѣвчихъ дьяковъ: дьяки большой станицы, дьяки другой станицы и дьяки московской станицы, всего 14 человѣкъ, и кромѣ того, 7 поддьяковъ большихъ и 6 поддьяковъ меньшихъ. Отмѣчая дѣятельность упомянутыхъ выше учителей, митрополитъ Макарій далѣе говоритъ: «Но еще важнѣе была та заслуга, что этими мастерами положены на ноты — «и въ нашей рустей земли просіявшимъ безчисленными чудесы, мужемъ же и женамъ, иже именуются новые чудотворцы, овымъ стихиры, инымъ же славники, а инымъ съ литіями и съ хвалительными стихиры и съ величаніи полные праздныства, отъ мѣсяца сентября до конца мѣсяца августа». Учреждено у насъ въ настоящій періодъ много праздниковъ въ честь Русскихъ Святыхъ; составлено имъ много новыхъ службъ. И вотъ нашлись мастера, которые «положили на ноты, гдѣ слѣдуетъ, всѣ эти службы, и тѣмъ дали своимъ соотечественникамъ возможность прославлять новоявленныхъ Угодниковъ Божіихъ приличными пѣснопѣніями и свѣтлѣе праздновать новые церковные праздники».

Несмотря на постановленіе Стоглаваго Собора, безпорядокъ

въ церковномъ пѣніи продолжался и впослѣдствіи. Еще при патріархѣ Іосифѣ (1642) процвѣтало не «нарѣчное» пѣніе, а «хомовое» или «раздѣльнорѣчное» съ обращеніемъ полугласныхъ въ гласныя и съ добавленіемъ гласныхъ. «Сопасо,, людеми,, пожеру и т. д., звучали для вѣрующихъ чуждо и непонятно». Преподобный Діонисій справедливо укорялъ извѣстнаго въ свое время «головщика» и уставщика Логгина за то, что онъ смущаетъ братію и «вводитъ въ смѣхъ», когда, напримѣръ, поетъ «Аврааму и сѣмени его до вѣка» (съ удареніями на «и» и «о»), неправильно ставя ударенія. Любопытно отмѣтить, что 22 октября 1661 въ Соловецкомъ монастырѣ состоялся соборъ, на которомъ было постановлено ввести въ монастырѣ правильное «пѣніе нарѣчное». Однако черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что приговоръ этотъ остался мертвой буквой, и въ монастырѣ продолжало процвѣтать «хомовое» пѣніе.

Другимъ существеннымъ недостаткомъ нашего богослуженія того времени являлось, такъ, называемое, «многогласіе». Возникло оно вслѣдствіе формальнаго отношенія къ богослуженію. Съ одной стороны, длинныя церковныя службы согласно устава казались черезмѣрно утомительными, а, съ другой стороны, опускать что либо изъ предписаннаго церковными правилами считалось тяжкимъ грѣхомъ. Изъ этого положенія выходили такимъ образомъ, что для сокращенія богослуженій въ храмѣ одновременно одинъ пѣлъ, другой читалъ, третій говорилъ ектенію, четвертый — возгласъ и т. д. Вполнѣ понятно, получался хаосъ, тѣмъ не менѣе формально все богослуженіе выполнялось точно... Какъ уже было указано, еще на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. были вынесены постановленія по вопросу церковнаго благочинія. Въ отвѣтъ на упреки царя Ивана Васильевича по этому поводу Соборъ рѣшилъ: совершать службу Божію «чинно и не мятежно, а вкупѣ псалмовъ и псалтири не говорить и каноновъ вдругъ не канонархать и не говорить по два вмѣстѣ».

Передъ нами интереснѣйшіе памятники той эпохи. Въ виду того, что церковное безчиніе дошло до такихъ предѣловъ, что многіе со слезами жаловались патріарху Гермогену — послѣдній обратился съ «посланіемъ накорительнымъ ко всѣмъ людямъ, паче же священникомъ и діакономъ о исправленіи церковнаго пѣнія», въ которомъ обличалъ духовенство за то, что они совершали церковныя службы не по преданію св. апостолъ и не по уставу св. Отцевъ, а «говорили де въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ и въ пять, и въ шесть»; обличалъ и мірянъ, свидѣтельствуя «вѣмъ многихъ, собирающихся не Бога ради, ниже послушанія ради глаголъ; овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ».

Также и патріархъ Іоасафъ, слыша о крайнемъ безчиніи въ св. Божіихъ церквахъ и нерадѣніи духовенства далъ на имя своего тіуна Ивана Михайлова и одного изъ главныхъ поповскихъ старостъ въ Москвѣ, Никольскаго попа Панкратія, «Память», и приказалъ, чтобы они собрали всѣхъ поповскихъ старостъ, прочитали имъ эту его «Память» и велѣли списать ее и въ спискахъ разослать по всѣмъ московскимъ и загороднымъ церквамъ. Онъ наказывалъ, чтобы «...пѣніе церковное исправляли по преданію св. апостолъ и св. отцевъ; пѣніе въ церкви велѣли говорить въ голоса два, а по нуждѣ въ три, шестопсалміе же только въ одинъ голосъ, и въ тѣ поры ни псалтири, ни каноновъ говорить не дозволяли».

Противъ такого церковнаго безпорядка возставали многіе видные свѣтскіе люди, какъ напримѣръ, Федоръ Ртищевъ, такъ и авторитетныя духовныя лица, какъ, напримѣръ, популярные московскіе протопресвитеры: казанскій — Нероновъ и благовѣщенскій — Вонифатьевъ (онъ же царскій духовникъ). Къ нимъ присоединился новгородскій митрополитъ Никонъ (впослѣдствіи патріархъ) и самъ царь. Заслуживаетъ вниманія также тотъ фактъ, что патріархъ Іосифъ сначала колебался и для разрѣшенія своихъ сомнѣній рѣшилъ обратиться къ царьградскому патріарху Парфенію, чтобы онъ вмѣстѣ съ другими греческими іерархами рѣшилъ «подобаетъ ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ соблюдать единогласіе?» Въ началѣ 1650 года къ тому приключалась удобная оказія, именно, въ Москву съ вѣстями къ государю отъ Царьградскаго Патріарха Парфенія прибылъ грекъ Ѳома Ивановъ и былъ за благословеніемъ у святѣйшаго Іосифа. Тогда то патріархъ Іосифъ упросилъ Ѳому доставить его письмо «о церковныхъ великихъ потребахъ» вселенскому Патріарху и достать у него и у собора отвѣтную грамоту на это письмо. Ѳома въ точности исполнилъ просьбу московскаго патріарха и 8 декабря того же года былъ уже обратно въ Москвѣ съ отвѣтомъ. На вопросъ, поставленный московскимъ патріархомъ «подобаетъ ли въ службахъ по мирскимъ церквамъ и по монаствpямъ соблюдать единогласіе?» послѣдовало разъясненіе изъ Царьграда: «Св. Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, главѣ 14, пишетъ: въ церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую, нежели тьмы словесъ языкомъ (ст. 19) ... И труба если вострубитъ несогласно, кто постоитъ въ битвѣ? Такъ и молитвѣ подобаетъ быть съ постояннымъ разумомъ и душевнымъ спокойствіемъ ...; и чтеніе должно совершаться со тщаніемъ, вслухъ всѣмъ слышащимъ, съ совершеннымъ разумомъ, единогласно, а не всѣми разомъ ...; и пѣвцамъ, по уставу св. шестого собора, подобаетъ пѣть согласно, а не рыканіемъ неподобнымъ ..., пѣть тропари по чину на правомъ и на лѣвомъ клиросѣ, по одному или по два, а не многимъ. Когда

случится священнику или діакону читать ектеніи, то народу въ то время говорить: «Господи помилуй», по уставу церковному, всѣмъ единымъ гласомъ съ тихостью и молчаніемъ, а пѣвчимъ пѣть однимъ . . .»

(1642) Патріархъ Никонъ, въ то время еще митрополитъ Новгородскій, и здѣсь проявилъ свои организаторскія способности и рѣшительно упразднилъ многогласіе и «первѣе повелѣ въ своей соборной церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти» . . . «и на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы избранными», устроилъ «пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго, и таковогo пѣнія, якоже у митрополита Никона — ни у кого не было».

Когда митрополитъ Новгородскій Никонъ пріѣзжалъ въ Москву, онъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собой хоръ. И, вотъ, какъ только царь услышалъ стройное пѣніе никоновскихъ пѣвчихъ, онъ тотчасъ же завелъ такое же пѣніе и у себя въ придворной церкви. И вслѣдъ затѣмъ «нача великій государь о единогласномъ и нарѣчномъ пѣніи въ церквахъ промышленіе творити; ему же въ семъ богоспасаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ; а святѣйшій Іосифъ, патріархъ московскій, за обыкновенность, тому доброму порядку прекословіе творяше, и никакоже хотя оное древнее неблагочиніе на благочиніе перемѣнити». (Житіе архимандрита Діонисія, ст. 66 М. 1855, см. также Сахаровъ. Изслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣніи II-5, 28. Бычковъ. Опис. рукоп. Сборн. Импер. Публ. Библіотеки, I, 83. Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и житіи патріарха Никона, 13-14).

Въ XV вѣкѣ въ культурной жизни человѣчества произошло великое событіе — было изобрѣтено книгопечатаніе. Въ концѣ XV вѣка появились первыя славянскія типографіи въ Краковѣ, Вѣнеціи и Цетиньѣ, а въ 1525 году — въ Вильно. Около половины XVI вѣка саксонецъ Шмиттъ, занимавшійся, по порученію царя Ивана Грознаго собираніемъ по Европѣ разныхъ ученыхъ, ремесленниковъ и художниковъ для Россіи, завербовалъ было для Москвы одного типографщика, но однако этому проэкту не суждено было осуществиться.

Въ 1550 году царь обратился къ датскому королю Христіану III съ просьбой прислать къ намъ спеціалистовъ-типографщиковъ. Однако, король черезъ два года прислалъ лишь одного Ганса Мессингейма Бокбиндера (переплетчика) съ лютеранской Библіей и двумя другими книгами, содержащими лютеранскій катехизисъ, а также съ предложеніемъ, что если русскіе согласятся принять это исповѣданіе, то Гансъ переведетъ ихъ на русскій языкъ и напечатаетъ въ нѣсколько тысячъ тиражемъ. Такъ какъ это предложеніе у насъ принято не было, то слѣдуетъ предположить, что Гансъ,

который былъ отпущенъ скоро домой, ни въ какой мѣрѣ не содѣйствовалъ появленію у насъ книгопечатанія.

Въ 1553 году по повелѣнію царя Ивана Васильевича и по благословенію митрополита Макарія діакону церкви Николы Гостунскаго Ивану Федорову и Петру Тимоѳееву Мстиславцу было поручено дѣло книгопечатанія въ Россіи. Царь сдѣлалъ все, чтобы содѣйствовать появленію первой типографіи въ Москвѣ: онъ на свой счетъ построилъ домъ для типографіи и не щадилъ своихъ сокровищъ, какъ «для составленія печатнаго дѣла», такъ и для самихъ «дѣлателей». Однако въ теченіе десяти лѣтъ велись лишь подготовительныя работы: пріисканіе помощниковъ, пробы изготовленія шрифта и т. д. Наконецъ, печатный станокъ и буквы были выписаны изъ Польши и 19 апрѣля 1563 года начали печатать первую книгу — Апостолъ, который лишь перваго марта 1564 года вышелъ изъ типографіи въ свѣтъ. Черезъ нѣкоторое время появился часословъ (29 октября 1565 года), а затѣмъ, какъ предполагаютъ, Евангеліе, не уцѣлѣвшее до нашего времени. Не смотря на покровительство самаго царя, первые наши типографщики по ихъ собственнымъ словамъ много терпѣли «презельнаго озлобленія отъ многихъ начальникъ и священно-начальникъ и учитель, которые, зависти ради, умышляли на нихъ многіе ереси, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити». Вскорѣ печатный дворъ былъ ночью подожженъ и станокъ съ буквами сгорѣлъ совершенно.

Изобрѣтеніе книгопечатанія не могло не отразиться на церковномъ пѣніи. Появленіе печатныхъ книгъ, а затѣмъ и нотъ облегчило организацію и распространеніе церковнаго хорового пѣнія. Оно не могло не отразиться и на музыкальной «структурѣ» церковнаго пѣнія. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ въ монастыряхъ, а также и въ приходскихъ церквахъ при наличіи церковнаго хора принято было пѣть съ канонархомъ. Такъ какъ рукописныя книги стоили очень дорого и являлись рѣдкостью, то на клиросѣ, гдѣ стояли пѣвцы, обычно находилась только одна книга, между тѣмъ впослѣдствіи участниковъ хора бывало до двухъ-трехъ десятковъ, а то, и больше. Вполнѣ понятно, что пѣть по одной книгѣ, вдобавокъ при слабомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчей всѣмъ пѣвчимъ было невозможно. Вотъ, чтобы облегчить трудъ пѣвцовъ изъ хора выдѣлялся одинъ со звонкимъ высокимъ и сильнымъ голосомъ. Въ рукахъ онъ держалъ книгу и передъ каждымъ пѣснопѣніемъ, стихирой и т. д. на высокой нотѣ, въ тональности исполняемой стихиры, произносилъ на распѣвъ слова одной музыкальной фразы. Хоръ повторялъ слова. Такъ по очереди канонархомъ и хоромъ исполнялось все пѣснопѣніе. Теперь послѣ появленія церковныхъ книгъ, особенно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія книгопечатанія,

надобность въ канонархахъ отпала, но обычай канонаршить въ храмахъ сохранился во многихъ монастыряхъ, какъ красивая музыкальная традиція.

Къ этому времени сложилась и гармонія русскаго православнаго церковнаго хорового пѣнія. Въ основу церковной музыки Русской Православной Церкви легли церковныя мелодіи ближняго православнаго Востока: Греціи, Сербіи, Болгаріи. Подвергшись своеобразной русской гармонизаціи, обработкѣ, онѣ составили основную сокровищницу нашего церковнаго пѣнія. Сюда должны быть отнесены и церковные распѣвы на восемь гласовъ и, такъ называемый, знаменный распѣвъ. Однако постепенно, часто подъ вліяніемъ Ближняго Востока, стало развиваться и русское самобытное церковное музыкальное творчество. Въ церковный нотный обиходъ стали входить мелодіи Новгорода, Пскова, Москвы и, особенно, Кіева. Среди кіевскихъ церковныхъ напѣвовъ широкую извѣстность пріобрѣтаютъ своеобразныя мелодіи Кіево-Печерской Лавры.

Для изслѣдователя русской церковной музыки всѣ эти распѣвы представляютъ огромный интересъ. Мы наблюдаемъ, какъ древнія восточныя церковныя мелодіи подъ вліяніемъ народнаго творчества настолько мѣняютъ свой обликъ, что подчасъ трудно догадаться о музыкальномъ корнѣ того или иного церковнаго пѣснопѣнія. На протяженіи вѣковъ они впитывали въ себя національный духъ, духъ народной пѣсни, чувства, переживанія, настроенія и думы русскихъ людей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашу церковную музыку постепенно стали проникать и другія вліянія, прежде всего, вліянія итальянской музыки. Этому способствовалъ и ростъ взаимныхъ связей съ Западомъ и проявленіе въ Россіи естественнаго интереса къ западной, въ частности, классической итальянской музыкѣ, а также настойчивая экспансія католичества на православный Востокъ, прежде всего на Украину. Эти тенденціи въ сторону западной музыки выразились у насъ и въ осторожныхъ попыткахъ своеобразной «стилизаціи» древнихъ русскихъ церковныхъ мелодій въ планѣ западной церковной музыки, а позже и въ болѣе смѣломъ самостоятельномъ творчествѣ уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ итальянскихъ композиторовъ.

Эти интересныя страницы исторіи русскаго православнаго пѣнія не входятъ въ планъ этой моей статьи.

Проф. Иванъ Шумилинъ.

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

ПОСЫЛКА.

Нужда все крѣпче сжимала кольцо вокругъ семьи Никитиныхъ. Тяжелый приступъ астмы снова свалилъ съ ногъ Сергѣя Петровича и строительная фирма, гдѣ онъ работалъ, предупредила, что на работу онъ не можетъ больше разсчитывать. Третій случай заболѣванія за два мѣсяца, это было по мнѣнію хозяина, черезчуръ. Держать больного ауслендера, когда вполнѣ здоровыхъ нѣмцевъ сколько угодно на биржѣ — абсурдъ!

Второй ударъ былъ нанесенъ сокращеніемъ въ больницѣ, гдѣ жена, въ прошломъ блестящая піанистка, окончившая консерваторію съ золотой медалью, работала уборщицей. Сокращали всѣхъ «частноквартирниковъ», оставляя только «лагерныхъ». И когда вечеромъ Людмила Николаевна вернулась съ запухшими глазами и мертвой усталостью движеній, мужъ понялъ, что всѣ мольбы и просьбы были напрасны.

И, наконецъ, тяжелое воспаленіе легкихъ двухлѣтняго Юрика унесло послѣднія крошечныя сбереженія «на черный день». Черный день былъ тутъ.

Послѣ долгихъ поисковъ Людмилѣ Николаевнѣ «посчастливилось» найти работу на огородѣ въ 12-ти километрахъ отъ города. Но десять часовъ работы давали 60 марокъ въ мѣсяцъ, а квартира стоила 40. На пропитаніе, одежду и всѣ прочіе расходы оставалось всего двадцать марокъ.

Перешли на картошку съ маргариномъ, два раза въ день. Юрикъ сталъ прозрачнымъ, какъ восковая кукла, а у шестилѣтней Ксаны и безъ того большіе темные глаза стали бездонными, занявъ двѣ трети заострившагося личика. Отъ вида тающихъ на глазахъ дѣтей, измученной съ напухшими руками жены и перспективы холодной и голодной зимы, Сергѣю Петровичу становилось все хуже.

—Ему нуженъ какой-то подъемъ, радость хоть на короткое время, глубокомысленно замѣтилъ старикъ-профессоръ, ютившій-

ся въ каморкѣ безъ окна, рядомъ съ Никитиными.

— Ну, и питаніе, конечно. Хорошее питаніе... добавилъ онъ почти мечтательно.

...Радость... но чему можно радоваться въ обстановкѣ голода, безвыходности и нужды? А питаніе? Хорошее?.. Господи, тутъ бы хоть самое скромное, но человѣческое, а не этотъ вѣчный вяжущій маргариновый вкусъ во рту!

Какъ-то въ комнату заглянула сосѣдка Даша, — одна изъ немногихъ счастливицъ, работающихъ у американцевъ на кухнѣ. Ея круглое румяное лицо выразило смѣсь жалости, сочувствія и даже нѣкоторой конфузливости за свой цвѣтущій видъ.

— Господи, дѣтишки-то на что перевелись! Да и Сергѣй Петровичъ — краше въ гробъ кладутъ! — съ наивной откровенностью воскликнула она.

— Охъ, бѣда какая! А въ ИРО вы ходили?

— ИРО нами не занимается, — сухо отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.

— Охъ бѣда, бѣда, — заохала снова Даша, — а вы, Мила Николаевна въ комитетъ русскій въ Америку писали?

— Нѣтъ не писала. И адреса у меня нѣтъ, и никого знакомыхъ тамъ, — что толку писать!

— Да они вовсе незнакомымъ посылаютъ, — всплеснула руками Даша, а адресъ я сейчасъ принесу!

И черезъ нѣсколько минутъ на столѣ лежалъ странный для глазъ адресъ, наполненный цифрами и буквами, значеніе которыхъ было непонятно европейскому человѣку. Но все затмевали два слова звучащія почти сказочно: Нью-Іоркъ, Америка...

Ксана поднявшись на цыпочки водила пальцемъ по строчкамъ, шопотомъ повторяя цифры и буквы. — Дашенька, а что они посылаютъ, робко спросила она, особенно напирая на слово «они».

— Разныя вещи, Ксаночка, — платья и ботинки — мой знакомый совсѣмъ новые получилъ — и ѣду всякую — молоко въ порошкѣ и смалецъ и сахаръ и шоколадъ. А дѣтямъ, — Даша улыбнулась, — игрушки, куклы...

— Куклы! — почти стономъ вырвалось у Ксаны, и она замолчала. Мать подавивъ вздохъ взглянула на дѣвочку. Она знала горячую мечту дочурки о куклѣ, ловила ея взгляды у витринъ съ разряженными красавицами, но до куколъ ли тутъ было!

— Напишу, — рѣшила она. Будь что будетъ. Если откликнутся, можетъ, это подниметъ настроеніе мужа, дастъ ему силъ на поправку. А дѣтей хоть немножко подкормить удастся...

Вечеромъ писалось письмо.

Писалось съ горящими отъ смущенія щеками, скупыми, непривычными къ просьбамъ о благотворительности, фразами. На ма-

ленькомъ листочкѣ умѣстилось все: нужда, отсутствіе надежды на выѣздъ, болѣзнь и отчаяніе.

Мужъ, сухо покашливая, слѣдилъ за движеніями пера въ покрытой ссадинами, почернѣвшей отъ земли, рукѣ, а Ксана ходила вокругъ стола на цыпочкахъ, не сводя съ матери широко открытыхъ вопрошающихъ глазъ.

Когда письмо съ легкимъ шорохомъ скользнуло въ отверстіе почтоваго ящика, Ксана, неотступно слѣдовавшая за матерью, крѣпко сжала ея руку горячей рученкой и шепнула:

— Пошло!

Въ эту ночь всѣ спали плохо. Мысль, что письмо уже начало свое путешествіе къ той невѣдомой, означенной цифрами, улицѣ, откуда приходили долгожданныя посылки, не давала спать.

Тяжело переводя дыханіе и покашливая, ворочался въ своей кровати Сергѣй Петровичъ, вздыхала, не находя удобной позы Людмила Николаевна и, какъ мышёнокъ въ норкѣ, возилась подъ одѣяломъ Ксана. Даже маленькій Юрикъ что-то всхлипывалъ и причиталъ во снѣ.

Но постепенно усталость брала свое, въ комнатѣ становилось все тише. И когда въ тишинѣ раздавалось только дыханіе спящихъ, съ кровати спрыгнула маленькая фигурка и на цыпочкахъ скользнула въ уголъ.

Мѣсяцъ, перекатившись черзъ вѣтку березы подъ окномъ, разстелилъ на полу и стѣнѣ длинную бѣлую вуаль, зацѣпившуюся краемъ за треугольную полочку съ иконами. Передъ иконами на колѣняхъ стояла худенькая дѣвочка. Старенькое лѣтнее платьице, служащее теперь ночной рубашкой, сползло съ плечика, на которомъ разсыпались пушистые черные волосы, тоненькая ручка быстро, быстро мелькала въ крестномъ знаменьи.

— Господи, — раздался чуть слышный шопотъ въ притихшей комнатѣ, — дай чтобы наше письмо дошло! И чтобы тамъ пожалѣли насъ. Юрика нашего и папу больного, и маму, и всѣхъ насъ... Господи, сдѣлай чтобы мы посылку получили... Чтобы покушать для папы, а мамѣ ботинки хорошіе, а то ей ходить зимой невчѣмъ, она говоритъ. Господи! А Юрику тепленькую кофточку и шапочку гулять ходить, а мнѣ... — шопотъ шелеститъ еле-еле, — маленькую, Господи, вотъ такую малюсенькую, — указательный и большой пальчики на худой ручкѣ раздвигаются только чуть-чуть, — совсѣмъ крошечную...куколку!..

Рука снова замелькала, осѣняя узкія плечики крестомъ, и замиралъ шопотъ въ темнотѣ:

— Господи, пожалуйста, услыши!..

Лучъ мѣсяца дрогнулъ и, будто не желая разстаться съ дѣтской фигуркой, потянулся за нею къ кровати и разстелилъ серебря-

ный платочекъ подъ черныя кудряшки на подушкѣ. Нѣсколько разъ порывисто вздохнувъ и повозившись въ поискахъ удобнаго мѣстечка, Ксана задышала ровно и спокойно.

Послѣ этой ночи прошло больше мѣсяца, какъ у дверей Никитиныхъ постучался почталіонъ.

— Распишитесь въ извѣщеніи на посылку, — равнодушно произнесъ онъ, подавая Людмилѣ Николаевнѣ твердую бѣлую карточку съ зеленой наклейкой.

Дрожащими пальцами нацарапавъ свою фамилію и прочитавъ указанный на извѣщеніи адресъ почтоваго отдѣленія, Людмила Николаевна, захвативъ старый «рюкзакъ», ушла изъ дому.

Ксана металась отъ окна къ окну, прислушиваясь къ звонкамъ трамваевъ и шагамъ на лѣстницѣ...

— Идетъ, — вскрикнула она вдругъ, и бросилась на встрѣчу матери. Раскраснѣвшаяся подъ тяжестью большого пакета, въ комнату вошла Людмила Николаевна.

— Ухъ, — вздохнула она, тяжело опуская его на полъ.

— 22 фунта, еле дотащила!

Глаза ея сіяли, и на лицѣ играла давно забытая довольная улыбка.

— Мамочка, миленькая, что тамъ?

—Посмотрите, — многозначительно отвѣтила мать. Горящими глазами глядя на руки матери, дѣти привѣтствовали радостнымъ крикомъ каждую вещь: теплый синій костюмчикъ для Юрика и бѣлые ботиночки, а въ нихъ носочки съ розовыми собачками, хорошій сѣрый пиджакъ и нѣсколько рубахъ для Сергѣя Петровича, замысловатаго фасона платье и черныя замшевыя туфли для Людмилы Николаевны, (о-оо, мама будетъ, какъ принцесса)! три платьица, пижама и кокетливое розовое пальтишко для Ксаны, (ой, ой, — я тоже принцессой буду, да мама?).

А на днѣ — банки съ яркими буквами, съ курочками въ платочкахъ и съ коровками на зеленомъ лугу, и нарядные пакеты съ поварами въ высокихъ колпакахъ и толстой, добродушной негритянкой въ красномъ платочкѣ. И вдругъ съ самаго дна: — Ксана, это тебѣ! Яркія щечки, веселыя глазки и чуть потертый носикъ, — кукла!

—Кукла! Ксана прикрываетъ ладошкой широко открывшійся ротъ и отступаетъ на шагъ назадъ. Ку-у-кла!

— Бери-же, а то мнѣ обѣдъ готовить надо! Ксана на минуту поднимаетъ глаза къ углу съ иконами, будто спрашиваетъ — неужто правда? и осторожно, кончиками пальцевъ, беретъ куклу за розовый, фланелевый халатикъ. И, будто увѣрившись въ реальности чуда, порывисто прижимаетъ ее къ груди и съ неистовымъ визгомъ кружится на мѣстѣ.

Это былъ царскій обѣдъ! Каждый получилъ по чашкѣ сладкаго какао, по тарелкѣ рисовой каши и по куску колбасы съ яичницей. Не переводя дыханія, проглотивъ какао, дѣти, точно сговорившись, перевернули чашки и, часто мигая, розовыми языками вылизали ихъ до блеска. Такъ же молніеносно управившись съ ѣдой, они подняли къ матери измазанныя рожицы и та увидала, что отъ напряженнаго ожиданія и любопытства глаза ихъ стали совсѣмъ круглыми.

— А теперь что? — говорили они.

Мать молча налила по второй чашкѣ какао и снова наполнила тарелки. Этотъ разъ ѣли медленнѣе, смакуя и облизываясь, но тарелки были опять вылизаны дочиста.

...По куску хлѣба съ медомъ, по горсти изюма, и, наконецъ, по куску шоколада.

— Юва наѣвся! похлопавъ себя по животику объявилъ малышъ, сосредоточенно глядя на носки бѣлыхъ ботиночекъ и поднимая вверхъ то одну, то другую ножку.

— И я тоже такъ наѣлась, что просто не знаю! — поддержала Ксана, любовно поглаживая щечку куклы.

— Да, давно я не пробовалъ такихъ вещей, — блаженно откидываясь на подушку, произнесъ Сергѣй Петровичъ.

— Дай имъ Богъ здоровья! — перекрестилась жена, взглянувъ на иконы. За ней перекрестились мужъ и Ксана, а Юрикъ тыкнулъ кулачкомъ себя въ лобикъ и грудку.

— Есть еще добрые люди на землѣ, — произнесъ Сергѣй Петровичъ задумчиво, и что-то въ его тонѣ заставило жену радостно насторожиться.

Правъ былъ профессоръ, мелькнуло у нея въ головѣ, — совсѣмъ иное лицо у него, и голосъ бодрѣе сталъ. Господи, Господи... далъ бы Богъ!

— Мамочка, потянула ее за рукавъ Ксана, — можно мнѣ еще маленькій кусочекъ хлѣба съ чѣмъ нибудь вкуснымъ?

— Кушай, дѣточка, — отозвалась мать, рѣшивъ въ этотъ первый день не дѣлать ограниченій. Взявъ кусокъ хлѣба съ колбасой и яичницей, Ксана начала крутиться по комнатѣ и, занятая уборкой посуды, мать не замѣтила, какъ она выскользнула въ двери . . .

— Можно къ вамъ, Людмила Николаевна?

Въ комнату вошла, держа въ рукахъ Ксанинъ бутербродъ, Марта Богдановна, одинокая старушка-сосѣдка. За ней нѣсколько смущенно слѣдовала Ксана.

— Пришла ко мнѣ Ваша Ксаночка и даетъ мнѣ это, — старушка указала на бутербродъ. Но только я подумала: какъ же мнѣ, Васъ не спросясь, у нея такое угощеніе брать! Выцвѣтшіе отъ старости,

а можетъ быть и отъ многихъ слезъ, глаза вопросительно и съ тайной надеждой поднялись на Людмилу Николаевну.

— Конечно, конечно возьмите! Да присядьте. Я Вамъ стаканчикъ какао налью, и каши у меня рисовой немного осталось, заторопилась Людмила Николаевна, обласкавъ Ксану теплымъ взглядомъ.

— У насъ вѣдь радость сегодня, — посылка пришла. Чужіе, незнакомые люди прислали! Есть, значитъ, еще на землѣ добрыя сердца, Марта Богдановна!

Все еще нерѣшительно старушка откусила маленькій кусочекъ отъ бутерброда, но когда передъ ней задымилась чашка какао, а съ другой стороны Ксана подвинула тарелку съ рисомъ, Марта Богдановна вдругъ расплакалась.

— Дай Вамъ Богъ здоровья, что со старухой подѣлились, и пусть Вашей дѣвочкѣ Богъ пошлетъ много счастья за ея доброе сердце. А людямъ этимъ, что о голодныхъ и сирыхъ не забываютъ, дай Богъ всякаго достатка и удачи за ихъ доброту!

Всѣ снова перекрестились, а Ксана прижавъ къ груди куклу, поднялась на цыпочки и поцѣловала край длиннаго, вышитаго полотенца у иконъ, какъ въ особо нѣжныя минуты цѣловала руку и платье матери.

Нью Іоркъ. 1950. **Галина Дейницына.**

Училище благочестія.

Христіанскій обычай носить святый крестъ на груди.

Начало христіанскаго обычая носить на груди св. крестъ восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ христіанства. Въ житіи св. мученика Ореста разсказывается слѣдующее. Св. Орестъ служилъ въ военной службѣ; однажды военачальникъ Лисій потребовалъ, чтобы Орестъ показалъ свое искусство въ бросаніи копья въ цѣль. Вслѣдствіе сильнаго движенія руки, носимый на

груди св. мученика крестъ высунулся наружу, — и, такимъ образомъ, обнаружилась принадлежность Ореста къ христіанству. Увидѣвъ крестъ, язычникъ Лисій обратился къ св. Оресту съ вопросомъ: "еда и ты еси отъ тѣхъ, иже суть части Распятаго?" Св. мученикъ съ твердостью отвѣчалъ: "Рабъ есмь распятаго Владыки моего, и сіе Его знаменіе ношу на отгнаніе всѣхъ золъ, находящихъ на мя", — и претерпѣлъ мученія за имя Христово (Мин. Чет. 13 дек.). О св. великомученикѣ Прокопіи, пострадавшемъ въ Кесаріи Палестинской въ началѣ IV вѣка, извѣстно, что онъ носилъ на груди св. крестъ изъ золота и серебра, по подобію явившагося ему на небѣ ночью на пути въ Антіохію Сирійскую (Мин. Чет. 8 іюля). — Еще первенствующіе христіане соблюдали этотъ обычай, причемъ смотрѣли на св. крестъ, носимый на груди, не только какъ на внѣшній признакъ принадлежности къ христіанскому обществу, но и какъ на спасительное оружіе для "отгнанія всѣхъ золъ", выражаясь словами св. мученика Ореста. И св. православная Церковь, освящая это спасительное знаменіе для ношенія на груди, молится, да будетъ оно "всякому на себѣ носящему, защищеніе и соблюденіе отъ всякаго зла, души и тѣлу спасительное, и въ умноженіе въ немъ духовныхъ дарованій и христіанскихъ добродѣтелей", — да будетъ исполнено оно, "силы и крѣпости къ прогнанію и разоренію всякія діавольскія козни, въ защищеніе души и тѣла отъ лица врагъ видимыхъ и невидимыхъ и отъ всякаго зла".

Мысли святыхъ отцевъ о крестѣ.

По толкованію св. отцевъ, четвероконечный крестъ Христовъ изображаетъ верхнимъ своимъ концомъ, или высотой, въ вышнихъ живущаго Бога Отца; глубиною, или нижнимъ концомъ — на землю и въ адъ низшедшаго Сына Божія; шириною и долготою, или двумя поперечными концами — Духа Святаго, вездѣсущаго и вся исполняющаго.

Когда мы знаменуемъ себя св. крестомъ, то онъ, по изъясненію св. Амвросія Медіоланскаго, "является намъ печатью Христовой на челѣ, печатью на сердцѣ, печатью на мышцахъ. На челѣ — да всегда исповѣдуемъ Христа, на сердцѣ — да всегда Его любимъ, на мышцахъ же — да благая дѣлаемъ".

"Крестъ данъ намъ въ знаменіе на челѣ, какъ обрѣзаніе Израилю, ибо имъ мы вѣрные отличаемся отъ невѣрныхъ и

знаменуемся; онъ щитъ, оружіе и одолѣніе противъ діавола; онъ печать, чтобы не касался всегубитель". Св. Іоаннъ Дамаскинъ.

"Знаменіе животворящаго креста да полагаемъ на челѣ и на персяхъ и на устахъ и на всѣхъ членахъ нашихъ; симъ да знаменаемся и да вооружаемся". Св. Ефремъ Сиріанинъ.

"Крестъ да изображаемъ на челѣ и въ мысляхъ съ великимъ тщаніемъ, ибо не просто перстомъ подобаетъ полагать его, но прежде всего произволеніемъ съ великою вѣрою. И если ты такъ вообразишь его, ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ не сможетъ встать близъ тебя, видя мечъ, который нанесъ ему рану, видя мечъ, который погубилъ его. Ибо если мы, видя мѣста, на которыхъ посѣкаются осужденные, исполняемся ужасомъ, то помысли, какъ трепещутъ діаволъ и бѣсы, видя оружіе, коимъ Христосъ сокрушилъ всю силу ихъ и отсѣкъ главу драконову". Св. Іоаннъ Златоустъ.

Стихиры честному Кресту.

Иже крестомъ ограждаеми, врагу противляемся, не боящеся того коварства и ловительства: яко бо гордый упразднися и попранъ бысть, на древѣ силою распятаго Христа.

Крестъ Твой, Господи, освятися; тѣмъ бо бываютъ исцѣленія немощствующимъ грѣхми: сего ради къ Тебѣ припадаемъ, помилуй насъ.

Господи, оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ: трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его, яко мертвыя возставляетъ и смерть упразднi; сего ради покланяемся погребенію Твоему и востанію!

Молитва Животворящему Кресту Господню.

Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога, и знаменующихся крестнымъ знаменіемъ и въ веселіи глаголющихъ: радуйся, пречестный и животворящій Кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Іисуса Христа, во адъ сшедшаго и поправшаго силу діавола, и даровавшаго намъ тебе, Крестъ Свой честный, на прогнаніе всякаго супостата. О пре-

честный и животворящій Кресте Господень! помогай ми со Святою Госпожею Дѣвою Богородицею и со всѣми святыми во вѣки. Аминь.

Каждый христіанинъ, отходя ко сну, благоговѣйно да прочитываетъ оныя молитвы, ограждая себя непобѣдимою силою Креста Христова.

* * *

ЧТО ЗНАЧИТИТЪ: ВЗЯТЬ СВОЙ КРЕСТЪ?

Что значитъ взять крестъ, и взять крестъ именно *свой?* Это значитъ, что каждый христіанинъ долженъ терпѣливо переносить именно тѣ оскорбленія и тѣ гоненія отъ міра, которыя его постигаютъ, а не какія-либо другія. Это значитъ, что каждый христіанинъ долженъ съ мужествомъ и постоянствомъ бороться именно съ тѣми страстями и съ тѣми грѣховными помыслами, которые возникаютъ въ немъ. Это значитъ, что каждый христіанинъ долженъ съ покорностью, съ преданностью волѣ Божіей, съ исповѣданіемъ правосудія и милосердія Божія, съ благодареніемъ Богу переносить тѣ именно скорби и лишенія, какія попуститъ ему Божественный Промыслъ, а не другія какія-либо, рисуемыя и предлагаемыя гордостнымъ мечтаніемъ. Это значитъ — довольствоваться именно тѣми тѣлесными подвигами, которые соотвѣтственны нашимъ тѣлеснымъ силамъ, въ которыхъ именно нуждается плоть наша для содержанія ея въ порядкѣ, а отнюдь не стремиться, увлекаясь тщеславнымъ усердіемъ, по выраженію святаго Іоанна Лѣствичника (Лѣствица. 26-е слово), къ усиленному посту, къ усиленному бдѣнію и прочему безмѣрію въ подвигахъ, разрушающему тѣлесное здравіе и направляющему духъ къ самомнѣнію и самообольщенію. — Все человѣчество трудится и страждетъ на землѣ; но какъ разнообразны эти страданія! какъ разнообразны тѣ скорби и искушенія, которыя посылаетъ намъ Богъ для врачеванія нашего, для очищенія нашихъ согрѣшеній! какое различіе у человѣковъ въ самыхъ тѣлесныхъ силахъ, въ самомъ здравіи! Точно: у каждаго человѣка — крестъ *свой*. И этотъ-то крестъ *свой* заповѣдано каждому христіанину принять съ самоотверженіемъ и послѣдовать Христу. Кто принялъ крестъ свой, отвергшись себя: тотъ примирился съ самимъ собою, съ обстоятельствами своими, съ положеніемъ своимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ; тотъ только можетъ разумно и правильно послѣдовать Христу.

Епископъ Игнатій Брянчаниновъ.